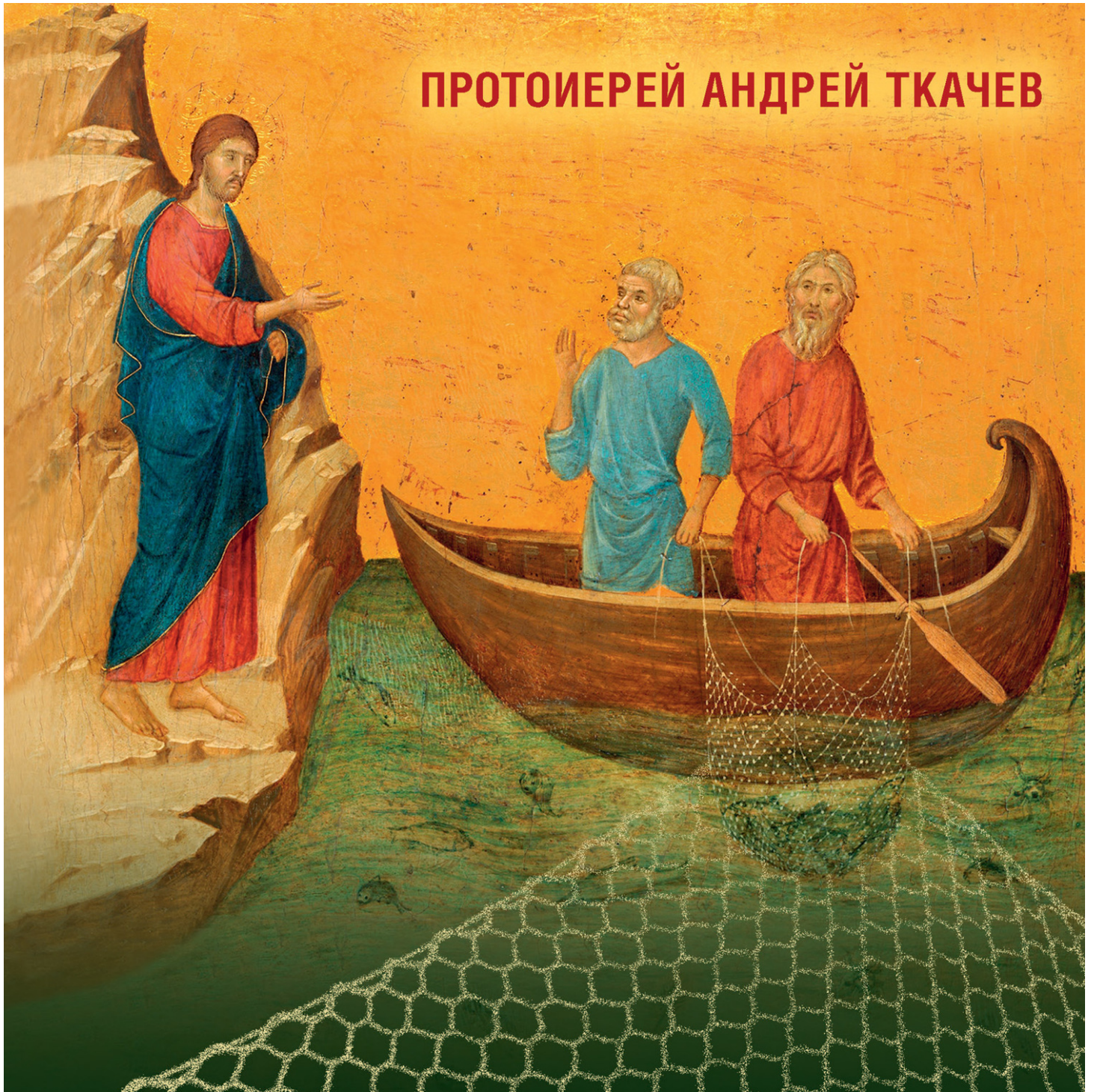

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

Скромное апостольство

СБОРНИК СТАТЕЙ

Андрей Ткачев
Скромное апостольство.

«Издательство Сретенского Монастыря»

2018

УДК 271.22(470+571)-4
ББК 86.372.24-4

Ткачев А.

Скромное апостольство. / А. Ткачев — «Издательство
Сретенского Монастыря», 2018

ISBN 978-5-7533-1477-2

В своей новой книге известный проповедник протоиерей Андрей Ткачев рассказывает о современных реалиях, с которыми каждый день приходится сталкиваться православному человеку. Он размышляет о судьбе России и русского человека, о нелегком бремени священства, о том, что мешает современному человеку исповедоваться и с какими трудностями сталкиваются священники, совершающие таинства в Церкви. Отец Андрей пишет о святых, которые невидимо находятся рядом с нами, а также о непонятных для нас строках Священного Писания. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 271.22(470+571)-4

ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-7533-1477-2

© Ткачев А., 2018
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2018

Содержание

Житие мое...	6
Бегом от новостей	6
Время, которое нужно беречь	7
Духовные болтуны	8
Любовь	9
Ночная молитва	11
Польза от неприятностей	13
Помыслы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Протоиерей Андрей Ткачев

Скромное апостольство: сборник статей

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-813-0491

© Ткачев А., прот., 2018 © Сретенский монастырь, 2018

Житие мое...

Бегом от новостей

Иной человек зависим от новостей, как заядлый курильщик от табака. Новости в течение дня, новости вечером, новостная аналитика в конце недели. Что стряслось? Ну, как там? И между строк: кого убили? Что сгорело? У кого беда?

Подобно сладкому лакомству человека приучили потреблять информацию о чужих несчастьях. Спорт и погода – на закуску. Тело же информации составляют «слышания о войнах и военных слухах» (Мф. 24, 6). Плюс бытовые кровопролития, аварии и катастрофы.

Может, сейчас иначе и нельзя. Но вот что пишет пророк Исайя: «Тот, кто ходит в правде и говорит истину; кто презирает корысть от притеснения, удерживает руки свои от взяток, затыкает уши свои, чтобы не слышать о кровопролитии, и закрывает глаза свои, чтобы не видеть зла, тот будет обитать на высотах. Убежище его – неприступные скалы; хлеб будет дан ему; вода у него не иссякнет» (Ис. 33, 15–16).

Чудо! Заткнуть уши, чтобы не слышать о кровопролитии; закрыть глаза, чтобы не видеть зла, – согласно пророку, средство, чтобы обезопасить свою жизнь. Не знаю, как во времена пророка Исаии, но в наше время это применимо к отношениям между человеком и СМИ. Слухи можно собирать и при помощи сплетен, а вот видеть зло легче всего, нажав на кнопку пульта.

Достоин внимания и то, что слова о хранении глаз и ушей предваряются словами о притеснениях и взятках. В слове Божиим нет случайностей.

Есть связь между взятками и насилием, с одной стороны, и потреблением негативной информации – с другой.

«Не я такой. Жизнь такая», – привычно говорит в свое оправдание человек, грешащий так же часто, как пьет воду.

В том, что «жизнь такая», его убеждает постоянный слух о делах незаконных. Поток информации о притеснениях и несправедливостях словно обеляет грешника в собственных глазах. Так, мол, все делают. Что ж, плодами будет беда, поскольку чуть ранее тот же пророк Исайя говорит: «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили!

Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя» (Ис. 33, 1).

Берегущему же свой слух и свое зрение человеку обещан покой: «Убежище его – неприступные скалы; хлеб будет дан ему; вода у него не иссякнет» (Ис. 33, 16).

Время, которое нужно беречь

Самые дорогие вещи в жизни – это те, которые не имеют цены. За которые сколько бы ни заплатил, а не приобретешь и не купишь. Нет таких магазинов и товарных баз. Очевидно, что есть много дорогого, которое можно купить, поднатужиться, украсть, в конце концов. Но есть вещи, которые не украдешь и не купишь. И из них главная – это время. Мы богачи, пока у нас есть время.

...Разбойник на кресте за пару часов купил себе вечность. Терпеливым страданием и открывшимися глазами на Христа, распятого рядом. Но мы с вами транжиры и моты. Транжиры и моты не бесценных слов, как говорил Маяковский: «Я бесценных слов транжир и мот». Мы транжиры и моты нашего времени, которое утекает сквозь пальцы. И вот ты уже превращаешься из мальчика в подростка, из подростка в юношу, из юноши в молодого человека, потом в дядьку, потом в деда. И там, глядишь, уже раскрыла пасть могила... Ее уже видно, она не за горизонтом, она уже ближе. А ты всё тратишь время свое и тратишь бесценные часы, дни, годы на всякую чепуху.

Когда калькуляция будет подведена, нам будет жутко стыдно. От того, что мы сказали много ненужных слов. Прожили много бесполезных, пустых, вообще никудышных дней. Думали кучу разных мусорных мыслей. Как будто мы подрядились на помойке лазить. И всякая помойная мысль залезла в нас и жила в нас, и мы жили с нею, и хорошо нам было с этой помойной мыслью. Стыдно будет ужасно. Потому что хорошего в нашей жизни чрезвычайно мало. Чрезвычайно. По нашей собственной вине.

Лучше всего это, пожалуй, изображает литературно и кинематографически известная сказка Евгения Шварца «Сказка о потерянном времени». Где она выходит за рамки соцреализма, какой-нибудь там детской литературы, а уже прикасается к Евангелию и к таким смысловым вещам. И так бывает. Например, Николай Островский сказал, что жизнь дается человеку один раз, и прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. В этом куске текста, который мы все когда-то учили наизусть, Островский вышел за рамки соцреализма и рамки собственного романа «Как закалялась сталь» и прикоснулся к чему-то большему. Потому что действительно мучительно больно и стыдно. Так вот смотришь назад... «И прожили мы больше половины, как сказал мне старый раб перед таверной, мы, оглядываясь, видим лишь руины» (Иосиф Бродский. – *Примеч. ред.*). Взгляд, конечно, очень варварский, но верный. Руины сзади, а что впереди? Впереди Суд Божий. А позади руины. Позади бесцельно, пусто прожитые годы. Мы теряем их.

И как в киносказке, бесы с вениками ходят и подметают наши потерянные секунды. Эти старички, молодеющие на чужом потерянном времени, и маленькие дети, стареющие на глазах оттого, что они дурно живут. Это правда. Это евангельская правда. Бесы сильнее от нашей бездумной жизни. И мы стареем раньше времени от нашей бездумной жизни. У вас было много времени, но вы его... профукали. Но у вас еще есть время.

Умоляю вас, именем Господа Иисуса Христа, не профукайте и его. Проживите остаток жизни правильно, красиво и полноценно, словно Волга вольная течет, а не как ручей, который курица переступит.

Духовные болтуны

Жил-был у евреев царь Езекия. Он менее известен, чем такие люди, как Давид, Соломон или Манассия. Но тем не менее в еврейских летописях он почитается за ревностную борьбу с идолопоклонничеством.

Однажды он тяжело болел, и его исцелил пророк Исаия. Повезло ему жить во времена великого Исаии. Болел до смерти. Исаия сказал: «Будешь здоров, 15 лет тебе еще приложит Господь. А в знак того, что ты выздоровеешь, тень по лестнице Ахаза поднимется на десять ступеней». Так оно и было. Это чудо разнеслось по всему Востоку. К Езекии начали приходить правители из окрестных царств, земель, посмотреть на него, пообщаться с человеком, облагодетельствованным небесами.

Однажды пришли к нему послы вавилонского царя. А Вавилон постоянно искал себе союзников для борьбы с другими империями. Находясь в приподнятом настроении, Езекия повел послов вавилонского царя в оружейные комнаты и в казнохранилище. Показал им золото, серебро, ароматы, оружие и все-все, чем можно было гордиться царю. Типа оружейной палаты плюс еще казначейство. Об этом узнал Исаия и спросил у царя Езекии: «Что приходили смотреть вавилонские послы?» Тот говорит: «Все, что у нас есть, все показал я им, ничего не утаил, они всё видели». А Исаия сказал интересные слова: «Всё это заберут у тебя, а дети твои будут евреями при дворе вавилонского царя». Езекия огорчился, безусловно, от этого и сказал: «Благ Господь, и как Он скажет – так пусть и будет». Но за то, что он был хорошим царем, во время его жизни это все не исполнилось. Когда Езекия приложился к отцам своим, так все и случилось: дети – в евнухи, сокровища разграбили.

Так о чем мы здесь говорим и зачем я, собственно, так говорю? Есть такое явление духовной жизни и материальной – хвастовство. Когда человек, например, в духовном отношении, разбалтывает все, что про себя знает. А я молился так, а я ходил туда, а я разговаривал с этим, а мне Господь вот это показал, мне вот это приснилось. Духовные болтуны. Это опасное занятие, потому что все выветривается и исчезает. Хорош человек, который умеет таить и мысли, и мечты и молчать. Как Тютчев писал: «Молчи, скрывайся и тай и чувства и мечты свои».

Это интересно и в государственной жизни. Когда люди всё нараспашку распахивают перед своими якобы сегодня друзьями, а завтра, может быть, и врагами, то они попадают в большие беды. Современные эксперты, политологи и историки говорят, как американцы ходили по нашим ядерным заводам, по лабораториям, по военным заводам, по пусковым установкам, прямо как у себя дома, с кадрами, с шифрами, со всем. Они просто как дома у себя были.

В то ельцинское время были добрые все, такая любовь захлестнула всех, что они всё показывали. И золото, и серебро, и ароматы, и оружейные комнаты. Но, говорит пророк, всё заберут у тебя. Заберут всё. И рабом тебя сделают. Поулыбаются с тобой, а потом поработят тебя. Потому что увидели силу твою и найдут у тебя немощное место, не закрытое броней.

Так надо и в государственной жизни, и в житейских своих делах, и в духовной жизни, конечно же, быть не то что прижимистей, а быть целомудренно сдержанным на похвалу самого себя. И на то, чтобы похвалиться детьми, машинами, деревьями плодовыми, домами, картинами или денежными сбережениями. Не надо. Сдержанность никогда человеку не повредит, наоборот, будет сохранять его во время сна и во время бодрствования, покроет его прохладной тенью.

Поинтересуйтесь, почитайте. Полезное чтение. Четвертая Книга Царств, глава 20-я. Ветхий Завет.

Любовь

Люди должны любить друг друга. Это истина прописная, вместе с тем почти никем не исполняемая и к тому же замусоленная долгими разговорами вокруг нее да около. Чтобы любить, нужны благодать и готовность на жертву. Иначе – только эгоизм и утомительное словоблудие. И не правда ли, когда слышишь об обязанности любить, то, с одной стороны, чувствуешь, что нужно сделать что-то о-о-очень большое, а с другой стороны, возникает провокационный вопрос: «А что, собственно, делать?»

Если к любви относиться не как к приятной эмоции, а как к полю, которое нужно возделывать, то нужны конкретные упражнения, конкретные действия по приближению к цели. Например, прежде чем что-то хорошее делать, нужно учиться хорошо думать о людях. Все наши видимые дела вырастают из невидимых мыслей. В конечном итоге мы поступаем именно так, как мыслим. Вот увидел из окна своей колесницы остановившиеся и мигающие машины (в ДТП попали), и можно процедить, проезжая мимо: «Доездили, растяпы», а можно сказать: «Бедняги. Помогите им, Господи!» Дело кажется не стоящим выеденного яйца, но это не так. Это два совершенно разных отношения к жизни и людям, за фасадом которых скрываются совершенно разные поступки, соответственные мышлению. И я никогда не скажу плохого слова о человеке, тем более не подниму на него руку, не напишу донос, если прежде не уничижу его в помысле. Точно так же, думаю, дела обстоят и у вас. Заставлять себя хорошо думать о людях, не осуждать их, сострадать им, не радоваться их унижению – это и есть попытки стяжать любовь, хотя ничего заметного еще не сделано. Вся работа происходит внутри, невидимо.

Вы пошли на пикник. Что-то жарили, что-то откупоривали, о чем-то говорили с семьей или друзьями. Потом настало время возвращаться домой. Нужно потушить костер, чтобы ничего не тлело. Нужно подобрать за собой весь мусор и объедки, стекло, пластик и прочее. Нужно сделать все так, чтобы вы сами пришли через неделю на это же чистое место с удовольствием или другие пришли туда. Не в грязь, вами оставленную, пришли, а на чистое место. И это не ахти какая, но все же любовь. Это человеколюбие.

Так же как человеколюбием является отказ шуметь или слушать громко музыку с наступлением позднего вечера. Справа и слева через стенку отдыхают люди, и их нужно уважать. Может, уснули маленькие дети, и матери рады нескольким часам тишины. В любом случае нужно думать о людях, потому что мы не одни на свете живем. И если это не та высокая и сверхъестественная любовь, о которой говорится в Евангелии, то это нечто элементарное и необходимое, без чего не будет никогда ничего большего.

Во всем, как вы хотите, чтобы поступали с вами, и вы поступайте так же и не делайте другим того, чего себе не хотите (ср. Мф. 7, 12). Эта двуединая заповедь просвечивает сквозь всякое старание не причинять людям страданий, наоборот – облегчать им жизнь. Каждый день предоставляет нам немало случаев, чтобы поупражняться в этом занятии. Особенно чиновникам. У них есть соблазн смотреть на людей как на назойливых мух. Особенно начальникам. И у них есть та же опасность. Стоит между людьми возникнуть разделяющей границе в виде окошка в кассе, или прилавка, или стола в присутственном месте, как их отношения рискуют выстроиться в форме сдержанного противостояния. «Скажите, пожалуйста...» – «Чё пришел?» – «Не могли бы вы...» – «Говорите быстрее», – «Я бы очень хотел...» – «Ничего не знаю. Придите завтра». Один унижен, второй высокомерен. А раздражены оба. Всего этого очень много. Слишком много. И это даже понятно.

Человек не ангел. Он устает. От многолюдства устает особенно. У него свои проблемы есть, до каких никому нет дела. Его бы самого пожалеть, этого чиновника или начальника. А к нему все ходят и ходят, просят и просят, надоедают и надоедают. Это понятно. Но должно быть так же понятно, что все эти ситуации и есть школа взаимного терпения, кротости, братской

любви, наконец. Такова любая очередь, хоть в поликлинику, хоть в паспортный стол. Такова любая толкотня, хоть в метро в час пик, хоть в гардеробе театра после представления.

Невозможно двигаться к совершенству, пренебрегая рабочими и служебными обязанностями, делая свою работу тяп-ляп. Ты кондитер? Делай свое дело с мыслью о тех, кто будет твои изделия есть. Ты штукатур? Плиточник? Думай о тех, кто будет жить в доме, тобою обустроенном. Водитель, портной, доктор, инструктор по вождению... Это всех касается. Человек должен делать свою работу так, чтобы его благословляли пользователи его трудов. Благословляли, а не проклинали и не злословили. Здесь одним мастерством не обойдешься, поскольку есть мастера жадные, мастера хитрые, мастера, никого не любящие. Здесь нужно к мастерству добавить сердце, заботящееся о клиенте, видящее в нем брата. Вещь элементарная, однако довольно редкая.

Нужно думать о людях, и, конечно, думать хорошо. Лишний раз их обижать и жизнь им усложнять не надо. Вспышки раздражения с их стороны стоит гасить благоразумным терпением. Все это любовь, доступная нашей худости. По крайней мере, это путь к ней.

Вряд ли нам придется совершить какие-то большие дела. Будем довольствоваться делами маленькими, которыми полон каждый день. Как говорил один из Оптинских старцев: «Святой Герасим был велик – у него был лев. А мы маленькие. У нас кот». И поглаживал при этом котофея, примостившегося у него на коленях.

Ночная молитва

Новый год – один из тех редких дней в году, когда масса народа не спит, совершая пьяную и обжорную пародию на всенощное бдение возле салата оливье, голубого (в разных смыслах) экрана и т. п. Это при том, что ночью не спать наш народ не привык. Сон – одно из немногих утешений бедняка. Сон бедняка, как говорит царь Соломон, сладок; и не важно, много или мало он съел. Богатый, напротив, отягченный лишним съеденным и выпитым, ворочается на ложе своем до рассвета. Это тоже говорит Соломон (см. Еккл. 5, 11). Нетрудно догадаться, что бедный народ наш в подавляющей массе своей на протяжении длинной истории спал крепко хотя бы потому, что, как говорил Портос, «кто спит, тот ест». То есть мало тратит сил и забывает о пустом желудке.

Но вот в Новый год мы не спим. Не привыкли. И возникает хорошая мысль. А именно: встретить Новый год молитвой в храме, ночью, не за изобильным столом, и не лицом в салате, и не в чужой квартире с вопросом утром «где я?» или «кто ты?». В храме встретить календарное начало нового года! Чем не красота и чем не благодать?

Часы на кремлевских курантах пробьют двенадцать раз, и раздастся по миру всякое «ура» на русском языке, и хлопнут открытыми пробками бутылки шампанского. Но именно в это время во многих храмах священники скажут: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа», – и начнутся литургии. И ничего лучше невозможно придумать.

Раньше это была редкая традиция. На все новое (хорошее оно или плохое – разницы мало) у нас смотрят пристально и с прищуром. С подозрением смотрят. Сами себе свой прищур объясняют тем, что «традицию хранят». Ну да ладно. Не мы судьи. Сегодня традиция служения литургии новогодней ночью мало-помалу распространилась, и уже трудно ругать священников за «невиданное новшество», ибо много их – служащих с 31-го на 1-е ночью. Людям нравится. Все трезвые и радостные. У всех больше реальных надежд на такое же реальное счастье в Новом году после молитвы и причастия, нежели после ночной пьянки-гулянки. Кажется, дело понятное и решенное. Но...

Но традицию молиться по ночам можно постепенно распространять и за пределы власти Деда Мороза.

Вообще христиане раньше молились по ночам больше, нежели при свете дня. Наш возглас всенощной «Слава Тебе, показавшему нам свет» напоминает именно об этих временах. Ночь, проведенная в молитве, для христиан такое же естественное явление, как ночь, проведенная за картами для любителя преферанса. И ведь заметьте: любителей преферанса (равно как и любителей ночных дискотек, пьянок-гулянок и прочих ночных занятий) никто не ругает и не осуждает. Это их жизнь. А нам сказано не осуждать. Мы и не осуждаем. Зато сами своих ругаем временами за то, что не хотят сопеть носом и смотреть сны. Ругаем за то, что хотят ночью молиться. Странное дело и непонятное.

Ночные литургии опять выходят из вековой темноты и заявляют о своем праве на существование. Есть такая фраза: «Будущее Церкви – это ее прошлое». Все великое, что было явлено Церковью в прошлом, вновь должно явиться перед закатом истории. И аскетизм, и милосердие, и взаимопомощь, и евхаристическая ревность... И ночная молитва тоже. Люди будут чем дальше, тем больше по ночам пить, блудить, колотья, нюхать, воровать, драться, резаться, вешаться... А Церковь, не смешиваясь с массовым беззаконием, должна будет усугубить молитву. В том числе ночью.

Темп жизни таков, что, кроме воскресенья, особо и не помолишься за литургией. Работа, знаете ли. То да се. Но кто мешаает раз в месяц или раз в две недели собраться в предписанное время в храме под полночь, помолиться, причаститься и разъехаться по домам? К двум ночи уже спать будете. Многие в это время только от телевизора и компьютера отрываются. А утром

на работу, как положено. Кто мешает? Да никто, кроме личной лени и ложных страхов. Как бы чего не вышло.

Но жизнь сама заставит нас молиться ночью. Сама внутренняя логика церковной истории заставит нас молиться и по ночам, и на чердаках, и в поле, и в трюме корабля, и в летней кухне (список я могу продолжить). Так давайте привыкать, не дожидаясь гонений и молитвенно отодвигая их приближение. Ведь евхаристические собрания реально разрывают сети дьявола. Молитва Церкви ослабляет тотальное лукавое действие на род человеческий. Только она и ослабляет. Стоит нам всем уменьшить лукавую жатву новогоднего пьянства, ссор, драк и разврата тем, что многие верные соберутся в эту ночь на молитву и Евхаристию. А там, глядишь, у нас и вкус к духовным трудам появится. Ибо, честно говоря, в некоторых из нас этого вкуса совсем не заметно.

Польза от неприятностей

Один из механизмов нашей жизни, болезненно неизбежный, – узнавание ее изнанки через страдания. То есть гуляет человек по улице большого города, или сидит в теплом доме у телевизора, или лепит снеговика с младшим сыном. Все хорошо. Но вот приходит в его жизнь болезнь. Она может прийти к тебе самому или к тому, кого ты любишь. И ты погружаешься в совершенно другую реальность. Попадаешь в больницу, видишь очереди больных людей, забеганных, замученных врачей, получающих, кстати, не очень большие зарплаты, которые обязаны всех любить, но на это души не хватает.

Попади в ожоговое отделение – там у тебя прямо душа задрожит от этих всех ран, которые на людях, обварившихся кипятком или ударенных током. Попади в травматологию – там от этих поломанных рук-ног и от запаха гипса у тебя тоже закружится голова.

Ты попадешь в какой-то параллельный мир. И этих людей будет очень много. Ты опять выйдешь на улицу – и снова увидишь, что все нормально. Зайдешь туда – увидишь, все не нормально. И это терапия такая вот, терапия болью, лечение болью.

Это очень важная вещь для того, чтобы знать, что мир – не только глянец. Как-то нам настырно глянец подсовывают под нос, и на глянце все белозубые, все успешные, все богатые, все, так сказать, подкачанные в фитнес-залах. И все не боящиеся будущего, потому что у них в душе много лет. Значит, ешь, пей, веселись. Это глянец, глянец жизни. И он как-то привыкает к человеку, и человек к нему, прилипает к сознанию.

Вот так люди смотрят на жизнь.

Но вдруг беда выдергивает человека из привычного состояния. Например, у мамы заболел ребенок. Ребенок маленький, который без нее не может быть в больнице. Она попадает в больницу, где тысячи сумасшедших мам, которые уже на грани отчаяния от того, что дети болеют. А нужно и день для этого, и всё. Они как взаперти, как в тюрьме в этих больницах сидят, ходят по коридорам и так далее. И человек удивляется: Боже, другая какая-то жизнь совсем. А для чего это всё?

А есть еще дома престарелых, которые безрадостнее, чем тюрьма. Потому что из тюрьмы есть надежда выйти. Из дома престарелых – нет. Есть хосписы, которые могут быть зализанными, красивыми и чистыми. Но они похожи на дома престарелых, потому что из них только один выход, только в одну сторону.

Есть те самые тюрьмы, которые вообще параллельный мир. А там тоже миллионы людей. Людей. Не скотов и не демонов, а людей.

Какой вывод из этого всего, что это вообще? Мы хотим глянца, и глянец нам навязан, он к нам прилип. Что неудивительно. На самом деле рядом с нами, справа и слева от нас, протяни только руку – страдающий мир. Мир – это рана. Как у Арсения Тарковского: «Не я словарь по слову составлял, а Он меня творил из красной глины. Не я пять чувств, как пятерню Фома, вложил в зияющую рану мира, а рана мира облегла меня. И жизнь жива помимо нашей воли».

То есть вокруг тебя рана мира. То есть мир – это рана. До времени мы об этом не знаем и знать не хотим. Иногда просто закрываем... не надо об этом говорить. А на самом деле мир – это рана. И вывод из этого неприятно сказанного заключается в следующем: если я выздоровею, Господи, если Ты меня спасешь, если я выйду на волю, если выздоровеет любимый мой человек, если мои дети будут бегать и прыгать по лужайке, как прежде, и так далее, то я теперь не забуду уже о том, что есть страшная жизнь. Что, кроме глянцевого мира, к которой все стремятся, есть жизнь страшная и тяжелая. Что там есть слезы, есть бедность, есть одиночество. И я теперь буду помогать этим людям.

Если Ты меня вылечишь, если Ты меня поднимешь, если Ты мне поможешь, то я теперь не буду жить так, как будто этого всего нет. Я буду жить так, чтобы помнить, что в такой

подобной беде, в какой я был или была, – много-много людей, и они там остаются. Им нужна или протянутая рука, или какая-то собранная копейка благотворительная. Им нужно, может, лекарство, или поцелуй в лобик, или вытертые слезы, или молитва. Но им нужно много, в конце концов. А я об этом не знал. Ну, не знал.

Часто мы спрашиваем: а зачем в мире так много беды? А ты мне скажи, как без беды чужую беду пожалеть? Это не моя беда, она мне как бы до лампочки. А вот если это моя беда, и я теперь помню об этом, и у меня появляется возможность сострадания, возможность сопереживания, возможность деятельной любви к страдающему человеку. Этим пронизано очень много текстов. В том числе текстов литературы.

Например, Антон Павлович Чехов говорил, что у двери, за которой живет счастливый человек, должен стоять человек с молоточком и, регулярно стуча в двери дома счастливого человека, напоминать ему о том, что ты-то сейчас счастлив, а кроме тебя в этом мире многие несчастливы. Такая священная фраза, я бы сказал, находится в россыпях различных фраз, вышедших из-под руки Антона Павловича. Вот человек с молоточком. И пока человек лично не испытал что-либо...

Почему, например, важно парню в армии отслужить? Потому что вкус хлеба, цену свободного времени и многое другое познаешь ты только тогда, когда лишаешься привычной домашней пищи, постоянно занят, постоянно под окриком командира. И тогда ты начинаешь по-другому оценивать окружающий мир.

Одним словом, у беды есть свой смысл. Поэтому от беды не отвернешься и не убежишь, беду можно только пройти насквозь вперед.

Я желаю мужества всем, у кого беда есть. Но я желаю сострадания всем тем, у кого беда была и прошла. Она была у вас для того, чтобы вы не забыли о ней и жалели тех, кто сегодня находится в том, в чем когда-то были вы и плакали.

Помыслы

Они легче пуха и незаметнее слабого ветерка. За день их бывает так много и они так разнообразны, что отследить их все и дать себе отчет в их качестве едва ли возможно. Мы говорим о помыслах.

Они есть у всех, и они не только разнообразны. По временам они еще и безобразны. А еще пусты, или неожиданны, или фантазмагоричны. Кто поймает их сачком, как бабочку? Кто пересчитает их, как песчинки в горсти? Да стоит ли вообще обращать на них внимание или можно махнуть рукой на эту мысленную моль, на эту пыль, соскучившуюся по мокрой тряпке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.